

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-24-33

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ПРАКТИКИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Владимир Николаевич Гурба

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

Аннотация. *Цель работы* — провести анализ терроризма как феномена в истории и практике украинского национализма.

Методология исследования определяется выбором конструктивистского подхода, включающего понимание нации как целостности (интегральности), которая является доминантой по отношению к основным сферам общественной жизни.

Результаты исследования. В рамках реализуемого исследования обоснованного, во-первых, связью идеи украинства с практиками терроризма как системы действий, направленных на агрессию против «чужих», которыми являются «инородные» этногруппы, определяется недопущение отступничества и сопротивления идеи украинства. Во-вторых, выявляется допустимость террора в качестве инструмента борьбы против «оккупации» и репрессий по отношению к оккупационным властям и «ренегатам» в украинском обществе. В-третьих, обоснована позиция украинского национализма в становлении авторитарного государства, подчиненного идее украинства.

Перспективы исследования. Обобщения и выводы, содержащиеся в статье, ориентируют на углубление анализа украинского национализма в рамках перехода к обществу позднего модерна и формирования «красных линий» во внутренней и внешней политике, связанных с развитием этнонационалистической доктрины государственного строительства и закреплением разрыва с культурно-цивилизационным единством русского, украинского и белорусского народов.

Ключевые слова: терроризм, украинский национализм, украинство, агрессия, интегральность, этнокофессиональный фактор

Для цитирования: Гурба В. Н. Терроризм в контексте истории и практики украинского национализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 24–33. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-24-33>.

Original article

TERRORISM IN THE CONTEXT OF THE HISTORY AND PRACTICE OF UKRAINIAN NATIONALISM

Vladimir N. Gurba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825

Abstract. *The purpose of the work is to conduct an analysis of terrorism as a systemic phenomenon in the history and practice of Ukrainian nationalism.*

The methodology of the research is determined by the choice of a constructivist approach, including the understanding of the nation as an integrity (integrality), which is dominant in relation to the main spheres of public life.

The results of the study. Within the framework of the ongoing research, justified, firstly, by the connection of the idea of Ukrainians with the practices of terrorism as a system of actions aimed at aggression against «strangers», which are «foreign» ethnic groups, the prevention of apostasy and resistance to the idea of Ukrainians is determined. Secondly, it reveals the permissibility of terror as an instrument of struggle against «occupation» and repression against the occupation authorities and «renegades» in Ukrainian society. Thirdly, the position of Ukrainian nationalism in the formation of an authoritarian state subordinated to the idea of Ukrainians is substantiated.

Research prospects. *The generalizations and conclusions contained in the article focus on deepening the analysis of Ukrainian nationalism in the framework of the transition to a late modern society and the formation of «red lines» in domestic and foreign policy related to the development of the ethnocationalist doctrine of state-building and the consolidation of the gap with the cultural and civilizational unity of the Russian, Ukrainian and Belarusian peoples.*

Keywords: *terrorism, Ukrainian nationalism, Ukrainians, aggression, integrality, ethno-confessional factor*

For citation: *Gurba V.N. Terrorism in the context of the history and practice of Ukrainian nationalism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 24–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-24-33>.*

Актуальность. Есть ощущение «дежавю», когда речь заходит о феномене украинского национализма. Казалось бы, мы имеем дело с исхоженными «вдоль и поперёк тропами», с тем, что в общественном дискурсе российского общества прочно и, пожалуй, обоснованно утвердилась позиция резкого неприятия националистических интенций в украинском обществе, проекта этнонационального государства, который последовательно проводится на протяжении постсоветской истории Украины. Но вместе с тем вне внимания (и это имеет достаточно неприятные последствия в рамках российско-украинских отношений, да и ситуации в Европе в целом) не определены параметры национализма в украинском обществе как основанного на признании терроризма как инструмента для достижения ключевой идеи «украинства» [3].

Здесь следует отметить, что терроризм является системным феноменом общества модерна, и его возникновение и распростра-

нение характеризуется разнонаправленными тенденциями. Классически терроризм можно определить как стратегию и практику вмешательства кризисных тенденций в общественно-политическую и государственную жизнь, как систему нагнетания тревог и страхов, направленных на дестабилизацию общества, недоверие к государству, дискриминацию и изгнание определенных этнических групп.

В рамках заявленной проблемы статьи важно подчеркнуть, что в российском политическом «бомонде» национализм на Украине воспринимался и воспринимается парадоксально. С одной стороны, активность украинских националистов по формированию «суверенного украинского государства» оценивалось и оценивается как вызов сложившимся историческим связям украинского и русского народов, славянскому братству. С другой стороны, недооценивается значимость националистической доктрины в ее решимости с использованием различных способов и методов, в том числе и террорис-

тических, для тактики «выжженной» земли. Признается, что после 2014 г. реализуется политика репрессий по отношению к «инакомыслящим», что стараниями Авакова, Коломойского, представляющих интересы бюрократических и олигархических групп, были кровью подавлены очаги сопротивления новому режиму на харьковщине, днепропетровщине, Одессе. Другими словами, в украинском обществе под лозунгом достижения суверенности Украины по пути движения к евро и интеграции сформировалась диктатура националистических кланов. И здесь очень важный исследовательский момент заключается в том, что реально был реконструирован террористический потенциал украинского национализма. Население восточно-украинских регионов не до конца осознавало ту жестокость и неразборчивость действий, которыми сопровождалось стремление создать Украину как антироссийский форпост на европейском пространстве.

Недоумение по поводу политики украинизации, инициируемой националистами, вытеснение украинского литературного языка на основе галичской версии, кадровая чистка по политико-языковому признаку являлись следствием непонимания украинского национализма как версии этнонационализма [1], основанной на практике террора по отношению к группам «сопротивления». Здесь можно было бы напомнить о том, что украинский национализм возникает в конце XIX в. — начале XX в. в условиях Галиции, региона Украины, который имеет сложную историю этно-национальных и этноконфессиональных отношений, является продуктом внедрения антироссийского проекта властями Австро-Венгрии, имевшим особенность в конфессиональном факторе (униатства) и сделавшим возможным рост экстремизма и ненависти по отношению к России и русским как врагам украинской самостоятельности и евреям и полякам, проводникам политики угнетения украинцев как этноконфессиональной группы [6].

Обращая внимание на данный факт, нужно определиться с тем, что вступление национализма на политическую сцену начиналось с утверждения позиции «избранности», веры в миссию униатства, сделавшего украинский народ, несмотря на дискриминацию, хозяином своей судьбы. Русские националисты

еще в конце XIX в., исходя из догмы имперского мышления, видели «тройного коня» в идее воссоединения украинского народа, подчеркивали, что Галиция является особым регионом Австро-Венгрии, родиной украинства в контексте последовательного преследования и ликвидации «промосковских» настроений, пространством нетерпимости и ненависти в отношении любых проектов, которые направлены на противодействие украинскому интегративному национализму, имеющему несомненное родство с идеологией нацизма.

В контексте вышесказанного важно определить, каким образом история и практика украинского национализма характеризуют, увы, не самый лучший сценарий в рамках российско-украинских отношений, судьбы русского населения на Украине и влияние на политический климат на европейском континенте.

Степень разработанности. Следует подчеркнуть, что украинский национализм подробно «анатомируется» со времени его возникновения. Русские исследователи, рассматривая национализм как идеологию национального раскола, что было связано с реальными тревогами по поводу русско-украинского единства и сохранения неделимости России, обращали внимание на то, что реальностью предстоящих десятилетий становится вопрос о национальных проблемах, среди которых украинство занимает ведущее место. А.М. Волконский, А.В. Стороженко, И.А. Линниченко, подчеркивая значения русской правой традиции, видели в украинстве источник сепаратизма и то, что происхождение украинского национализма имеет австрийские и польские корни и показывает ориентацию на ненависть к России, на жертвование «кацапской» нацией [17]. Эти предложения получили воплощения и в период реинтеграции Галичины в состав Советского Союза, когда на западно-украинских землях применялась политика террора против «москалей» и отступников, и в современной украинской истории, в которой доминирует националистический принцип «Украина как великая держава с непрерывной историей борьбы против оккупации» [11].

В советский период, отмеченный доминированием ленинской версии националь-

ного вопроса и политикой украинизации с целью создания проекта советской Украины в составе Советского Союза, накопленные исследования российских державников были не просто забыты, но и фактически вычеркнуты из возможности реального исследования украинского национализма. Следует отметить, что до сих пор мы ощущаем инерционность «советского наследия», которая выражается в несформированности консолидированной позиции относительно украинского национализма. Это подтверждается тем, что, несомненно, есть яркие результативные работы С.С. Белякова, Д.Ю. Степанова, А.В. Соловьева, П.П. Толочко, в которых аргументированно рассматриваются вопросы становления украинского национального самосознания через призму культуры, делается попытка определить влияние этноконфессионального фактора (униатства на проект украинства).

Есть, однако, повод для «грусти»: в стремлении определить строительство политической нации в соотношении с этнонационализмом, увидеть «в украинском вопросе» ловушки либерализма в российском общественном дискурсе. Признается логика «вопросов без ответов», так как современное украинское государство в определенной степени является зеркальным отражением российских проблем того обстоятельства, что перед лицом этнического и культурного плюрализма до сих пор не предложен рецепт формирования российской политической нации. Это связано с тем, что по отношению к постсоветскому пространству и прежде всего к Украине так и не выявлен способ постижения терроризма ни как системного политического риска, ни как практики насилия, которая имеет легитимность в выходе на дискурс «национального достоинства и национальной гордости».

По существу, признавая, что национализм создает ощущение безопасности и близости в обществе, переживающем перемены, не договаривается мысль о том, что национализм относится к украинству, ориентированному на национальное государство, более реализуемым является не государство либерального типа с идеологией толерантности и прав меньшинств, а этнонациональное государство, для строительства которого обя-

зательным является «возрождение» нации через практику этнических и социальных «чисток», «борьбу с чужими элементами», тотальная ассимиляция этнических меньшинств. В этом контексте украинский национализм не может рассматриваться неординарным, имея аналоги в предшествующей и современной истории человечества (национализм уставшей в Хорватии, национализм турецкой «нации», практики баскского национализма в Испании), но украинский национализм имеет особенность в том, что является не локально политическим, а европейским явлением, опирается на «богатую» историю польских и немецких националистов.

Работы зарубежных исследователей, среди которых можно выделить А. Спира, М. Брауна и особенно Дж. Армстронга, фиксируют крайние формы национализма, дающие возможность рассматривать украинский национализм не как феномен исторической исключительности, имеющий оправдания в борьбе за национальную независимость, а как имеющий предрасположенность к агрессии, нетерпимость и монологичность в утверждении национального дискурса во внесении раскола в общество с целью утверждения доктрины этнонационализма.

В этом контексте возникает актуальный вопрос о том, каким образом сторонники независимой и демократической Украины на Западе в упор не замечают не только мрачные страницы украинской истории, связанной с националистическим террором (исключением не являются исторические претензии Польши, но они отступают на второй план в перспективе создания антироссийской блока под лидерством польской правящей элиты). На наш взгляд, в западной исследовательской мысли проявляется, с одной стороны, позиция «благодушия», определяемая тем, что в условиях принятия европейских политических и правовых стандартов национализм ограничен во влиянии на общественный дискурс и постепенно трансформируется в маргинальную идеологию, с другой — это не менее существенно ярко выраженный антироссийский акцент, в котором политика насильственной ассимиляции и террора (идеологического, культурного, политического) принимается как инструмент блокирования российского влияния, дискриминации рус-

ских и других этнических групп (венгерский вопрос) для выстраивания украинского государства как антироссийского проекта. Это характерно не только для Украины, но и стран Балтии, где игнорируется политика дискриминации русских и русскоязычных с целью предотвращения риска российской «пятой колонны» [9].

Таким образом, разработанность проблемы украинского национализма не сформировалась системно, и что характерно — российские исследователи находятся под влиянием зарубежного и исследовательского дискурса, когда признают значимость работ Э. Геллнера [7] и Б. Андерсона [2]. Нельзя пройти мимо того, что реально обозначается как реабилитация украинского национализма, что выражено в работах Р. Шпорлюка, В. Кулыка. Развивая эту мысль, можно говорить о том, что если к российскому национализму применяется концепция кризиса идентичности и проявляется скепсис по отношению к перспективам российского многонационального государства, повторяются положения о политике русификации, то украинский национализм воспринимается естественной и оправданной позицией украинского народа, хотя и имеющей сложности в реализации сформулированного демократического проекта, но придающей живой импульс стремлению сделать политический режим режимом «украинской нации».

Таким образом, вне исследовательского дискурса остается то, что можно охарактеризовать особенностью, сформированной культурной и политической традицией украинского общества, и проанализировать терроризм в реализации идеи украинства, в последовательности совместить этатистские и этнонационалистические дискурсы в позиционировании государства, имеющего признаваемые в Европе отличия, в рамках политики эксклюзии, легитимирующий прошлое украинского национализма и этнонационалистические, но не демократические, приоритеты в государственном строительстве [15].

Методология исследования. Следует подчеркнуть, что традиционно в анализе и описании украинского национализма содержится историко-графический подход, который является вполне обоснованным

в контексте возникновения национализма как специфической идеологической схемы, связанной с идеей украинства. Не вдаваясь в подробности концепций, введенных в дискурс исследования национализма, можно говорить о том, что богатое конкурентное поле одновременно имеет ограничения и допущения, определяемые логикой становления и формирования украинского национализма, безусловного внимания к конкретному политическому и культурно-историческому фонду, давшему толчок «украинскому национальному пробуждению».

На наш взгляд, существенным образом следует отметить такие обстоятельства, как «антиинтеллектуализм», связанный с отрицанием ядерного положения интеллигенции и упором на романтизм борьбы за свободу и независимость. Отсюда есть актуальность конструктивистского подхода к национализму [8], где решающую роль играют факторы этноконфессиональности (униатства) и «гидности» (достоинства), что подразумевало стержнеобразующим моментом заявку на непреклонность национальной борьбы, принятия террористических акций как безальтернативных в борьбе против оккупантов и чужаков.

К украинскому национализму можно применить метод деобъективации, основным положениями которого является определение субъектных смыслов и значений. Важно подчеркнуть, что предложенная методологическая схема укладывается в интерпретацию терроризма как доминирующей формы политического самоопределения. В украинском национализме закреплён статус исключительности, построенный на униатстве как схеме самоопределения. Казалось бы, уния способствовала развитию интеграции в европейское пространство, но в реальности ситуация сложилась таким образом, что униатство стало в большей степени символом конфронтации, неприятия чужаков и резко отрицательного отношении к заблудшим и отступникам, разделяющим атеистическую или православную догматику.

Таким образом, используя метод конструктивизма, который допускает религию как эссенциальный фактор, можно сделать вывод о том, что терроризм украинского национализма является не ситуативным, характери-

зует концентрированность усилий на борьбе, с одной стороны, с отступниками и изменниками, с другой — с внешними врагами, конкретизируемыми в этнических и социальных группах, стоящих барьером на пути реализации и украинства. Следует также подчеркнуть, что терроризм достаточно подробно описан как глобальное явление, имеющее социально-политические и социально-психологические параметры, в украинском национализме принимает форму воспроизводства и в этом смысле является заблуждением революции украинского национализма в мирной форме, отказом от легитимации насилия, когда постоянно в качестве ориентира конструируются внутренние и внешние враги.

Отмеченные методологические положения обладают необходимой аналитической и объяснительной направленностью для того, чтобы сделать обоснованные выводы об истории и актуальной практике украинского национализма.

Результаты исследования. Современный украинский национализм внешне не обладает значимым политическим статусом в украинском политическом классе, где демонстрирует свои «европейские качества» политики либерального и либерально-радикального типа, но характерно, что националистические организации являются наиболее сплоченными и активными в политической жизни Украины. В той же степени, несмотря на демократические механизмы и процедуры и стремление соответствовать евростандартам, проявляется тенденция дискриминации и недопущения политики реальных альтернатив националистов.

Можно говорить о том, что сложились отношения реальной зависимости политического класса от позиции националистов, имеющих несомненные рычаги влияния и сторонников, прежде всего, в силовых и идеологических структурах. Было бы ошибочно считать, что основной изъян политической жизни на Украине — влияние олигархических кланов в симбиозе с политической элитой. В реальности украинские олигархи, имея преимущества монополии на экономические и финансовые ресурсы, не в состоянии, да и не стремятся сделать политический «мейнстрим». Не только на уровне догадки,

но и в качестве реального суждения можно говорить о том, что действия олигархата заканчиваются ровно на границе сформированного политического порядка, а националисты являются не пешкой в политической игре, а определяют идеологию и политику, направленную на решение двойной задачи. С одной стороны, вступить в европейский клуб, получить доступ к ресурсам Евросоюза, как это успешно делает польская националистическая элита, с другой — завершить процесс формирования этнонационалистического государства, для которого нормы и стандарты украинства являются предпочтительными по отношению к политике, исходящей из Европы. Иными словами, обозначается повторение националистического дискурса, связанного с тем, чтобы построить Украину, скорее, не как государство европейских ценностей, а имеющую статус «фронтира» по отношению к России и православной цивилизации в целом [12]. С этим утверждением можно спорить относительно того, что на Украине осуществляется национализация православия. Но униатство было и является реальным идеологическим инструментом, диктующим бескомпромиссность и агрессивность по отношению к «отступникам»: прощение с православием в равной степени как и языковая ассимиляция русских и русскоязычных по схеме украинства как интегральной нации подразумевает приведение в действие системы «пурификации» общественного сознания, направленного на формирование молодых поколений, движимых не только подозрением и ненавистью к русскости и православию, но и выражающих дух неприемлемости европейской идеи толерантности. Поэтому национализм не только не сдает, но и укрепляет свои позиции в украинском обществе по двум основным факторам. Во-первых, в отличие от обывательских слоев населения, ориентированных на европейскую идеологию как потребительскую, националистическое ядро принципиально демонстрирует неприятие консюмеризма и высокую мобилизационную готовность для сохранения достигнутого во внутренней и внешней политике [5]. Во-вторых, хотя и не явно, обозначается возможность использования террористических акций, связанных как с устрашением и уничтожением политических оппонентов, так

и с подавлением очагов потенциального сопротивления нынешним украинским властям и проводимой ими политики. В стране практически демонтированы институты народного представительства, не работают профсоюзы, а проводимые выборы связаны с деятельностью электоральных партий, в то время как именно националисты имеют постоянную мобильную и широко разветвленную инфраструктуру, которая позволяет им «контролировать» ситуацию не только «на Западе» (как собственно и в отчине), но и в центральных, и восточных регионах, где основными являются окончательная дерусификация и десоветизация. Поэтому для борьбы с коммунистическим наследием националистические движения не только имеют инициативу проведения устрашения по отношению к «рудиментам» советского прошлого, но и выставляют «красные линии» по отношению к политическим группам, способным занять антинационалистические позиции. В этом смысле украинские националисты зачистили политическое пространство страны, изгнав из политики через деформации и агрессию левых и либералов. Действующие политические партии являются ревизионистскими, и можно быть уверенными в том, что в обозримом будущем националистическому движению будет дан «карт-бланш» в определении траектории политического развития Украины. Вероятно, антироссийский проект «Украина» воспринимается на коллективном Западе как событие невозвратного характера. И в этом смысле, несмотря на феномен нарочитой маргинализированности, украинский национализм при всех смысловых нюансах обладает наибольшей степенью консолидированности реализации идеи украинства и соответствующим образом перехода в отношениях с Россией и соседями на позициях украинской державности [19]. Еще раз напомним, что в основе украинского национализма — интегративный национализм, который является радикальной формой этнонационализма, рассматривающего террор как вполне обоснованный и допустимый в рамках реализации поставленных приоритетов украинизации государства и общественной жизни.

Важно отметить, что терроризм, хотя и свойственен националистическим движе-

ниям в эпоху модерна, не обретает такого масштабного и символического уровня, как это свойственно его украинскому варианту, точнее, нужно говорить о западно-украинской этноконфессиональной версии. Но если определить «Галичину» как политико-культурное пространство, можно основываться на том, что под влиянием политического этноконфессионального фактора сформировалась идеологическая система, свойственная замкнутым этнотерриториальным и этноконфессиональным общностям, ориентированная внешне на достижения национальной независимости и создания собственной государственности, но в реальности движимая идеями исключительности, построенной на нетерпимости и противодействии попыткам не столько русификации или полонизации украинского народа, сколько создания этнонации, воспроизводящей этноконфессиональность и этнокультурность в качестве обоснования практически всех сфер политики [20]. Стремление коммунистического руководства в 20-е гг. в контексте политики украинизации сформировать альтернативу украинскому буржуазному национализму имело в качестве последствий не только закладывание «мины» под единство и целостность Советского Союза [10], создание национальных элит, которые с одной стороны, ощущали «задвинутость» в рамках единого государства, с другой — впитали идею украинства через культурно-языковую сферу. При этом в «интеллигентском» сознании содержались элементы оправдания борьбы украинских националистов за возрождение украинского государства, которое представлялось непрерывным со времен Киевской Руси.

В этом же контексте «Галичина» оставалась пространством «готовности» к борьбе за Украину, и нельзя безусловно говорить о существовании ячеек националистов, но есть основания считать, что националистическое движение, переместившись в сферу исторической памяти на изгибах истории в 90-е гг. XX в., получило мощный импульс [16], и дело не только в том, что жители западной Украины практически участвовали в Майдане в 2014 г., проявляли признаки того, что можно охарактеризовать как «политика террора», устранение с политической сцены Украины «отступников» и «неудобных»

политиков, кто если и не стоял на позициях догматического интернационализма, мыслил категориями развития Украины как демократического государства, с вектором сотрудничества и на Западе, и на Востоке.

Националисты вступили в постсоветскую эпоху жизни Украины как наиболее организованная, использующая инструменты мобилизации и сплоченности сила: впечатление о том, что националисты никогда не придут к власти, а являются «массовкой», было ошибочным, и в этом смысле Россия попала в капкан иллюзии относительно нерушимости и долговечности российско-украинских связей. Была проделана колоссальная работа по внедрению идеи украинства не только в политической культурно-образовательной сфере. Не менее важно и пресечение попыток даже «локального» сепаратизма. Националистам удалось реализовать основные параметры этнонационального государства, централизацию и моноязычие, не обращаясь к роли внешних факторов, где обнаруживается «след» Запада в истоках антироссийского «проекта Украина», в рамках внутренних политических процессов именно националисты, свободные от «предрассудков» быть демократическими и европейскими [17], проводили политику тотального террора в духовной жизни общества и точечного по отношению к неугодным лицам.

Этому способствовало воспроизводство ситуации, героизация национализма, исторического революционизма, связанного с переписыванием истории Украины и тем, что, несмотря на демократические институты и их роль в украинском обществе, является фасадным: можно сколько угодно спорить о роли и влиянии олигархических планов, доступе к экономическим ресурсам, но в ориентирах внутривнутриполитической жизни просматривалась и просматривается последовательность позиции, определяемой тем, что заложено в качестве стратегических целей украинского национализма, государственного образования, построенного на идее национальной исключительности [13], роли Украины как результата подвига украинской нации в борьбе за национальную независимость, утверждение своего уникального места в европейском сообществе как цивилизационного фронта на пути имперской и азиатской России [14].

В этом смысле не является удивительным, что в рамках оправдания политики террора по отношению к «чужим» польская «эпопея» оценивается как оправданная, хотя бы потому что польский национализм отказывал украинской нации этносуверенности. В настоящей ситуации, наверное, можно сделать вывод, что политика нынешнего польского руководства, движимая стремлением к лидерству на восточно-европейском пространстве, имела и будет иметь ограничения в дискурсе украинского национализма, содержащего террористический потенциал, способного действовать, опираясь на стратегию поддержки национально-ориентированных слоев населения, а это заметно по достигнутой позиции в украинизации центральной Украины и практическом уничтожении «русского мира». В качестве не столь далекого ориентира добиться признания антироссийского проекта стало уже реальностью на условиях неизменности формата украинской политики как схемы «национализации» идеологий, где терроризм возводится в качество национальной добродетели, «революционного подполья» в условиях оккупации и приоритета «общества» над государством с возможностью прессинга и давления, имеющей маркер терроризма как инструмент национального самоутверждения.

Заключение. Недооценка терроризма в истории и практике украинского национализма очевидна по намеренным или преднамеренным обстоятельствам и приводит к тому, что в российском обществе есть понимание деструктивного характера национализма в разрыве российско-украинских связей. Но не определяются факторы возведения национализма в государственную идеологию. Благодаря политике, проводимой националистами еще с конца XIX — начала XX вв., доминантой стала бескомпромиссность, недопустимость даже умеренных взглядов (рenegатство и отступничество) относительно трех ключевых понятий: униатства как национальной религии, украинства как национального самовыражения и сознания и исключительности как свойства, обретенного украинской нацией в период борьбы с «оккупацией», ассимиляцией украинского народа. Это является «красной линией»,

за которую не переступят националисты, несмотря на кажущийся фоновый характер их политических устремлений. Террор является не прошлым украинского национализма, это можно сказать, константа политической активности, которая выглядит упрощенной только на первый взгляд, в реальности обладающая характеристикой «врожденности».

Список источников

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российский гуманитарный университет, 2000. 367 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые общества. М.: Канон-Пресс Ц, 2001. 288 с.
3. Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. М.: Центрополиграф, 2008. 368 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995. 322 с.
5. Бурдые П. Начала. М.: Socio Logos, 1994. 288 с.
6. Вера. Этнос. Нация. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.
7. Геллнер Э. Условия свободы. М.: Ad Marginem, 1995. 222 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние модерна. М., СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
9. Логос // Философско-литературный журнал. Нация и национализм. 2006. №2(53).
10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
11. Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 695 с.
12. Полоньска-Василенко Н. История Украины. Т. 2. К.: Либідь, 2002. 608 с.
13. Расизм. Ксенофобия. Дискриминация. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 384 с.
14. Севастьянов А. Н. Этнос и нация. М.: Книжный мир, 2008. 192 с.
15. Сергеев С. Пришествие нации? М.: «СКИМЕНЬ», 2010. 303 с.
16. Толочко П. П. Від Русі до України. К.: Абрис, 1997. 400 с.
17. Украинский сепаратизм в России. М.: Редакция журнала «Москва», 1998. 432 с.

18. Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

19. Шпорлюк Р. Комунизм і Націоналізм. К.: Основи, 1998. 479 с.

20. National Security: Paradigmatic Fundamentals of Research Practices / Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5 S4. P. 266–271.

References

1. Al'termatt U. Jetnonacionalizm v Evrope [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 2000. 367 p. (In Russ.).
2. Anderson B. Voobrazhaemye obshhestva [Imaginary communities]. Moscow: Kanon-Press C, 2001. 288 p. (In Russ.).
3. Armstrong Dzh. Ukrainskij nacionalizm. Fakty i issledovanija [Ukrainian nationalism. Facts and research]. Moscow: Centropoligraf, 2008. 368 p. (In Russ.).
4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social construction of reality]. Moscow: «Medium», 1995. 322 p. (In Russ.).
5. Burd'e P. Nachala [Beginnings]. Moscow: Socio Logos, 1994. 288 p. (In Russ.).
6. Vera. Jetnos. Nacija [Faith. Ethnic group. Nation]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2007. 368 p. (In Russ.).
7. Gellner Je. Uslovija svobody [Conditions of freedom]. Moscow: Ad Marginem, 1995. 222 p. (In Russ.).
8. Liotar Zh.-F. Sostojanie moderna [The state of Art Nouveau]. Moscow, Saint Petersburg: Aletejja, 1998. 160 p. (In Russ.).
9. Logos. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal. Nacija i nacionalizm* [Philosophical and literary journal. Nation and nationalism]. 2006; 2(53). (In Russ.).
10. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The empire of «positive activity». Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 855 p. (In Russ.).
11. Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoj Evrope [Nationalism in Late and post-Communist Europe]. Vol. 2. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 695 p. (In Russ.).

12. Polon'ska-Vasilenko N. Istorija Ukraini [History of Ukraine]. Vol. 2. Kiev: Libid', 2002. 608 p. (In Ukr.).
13. Rasizm. Ksenofobija. Diskriminacija [Racism. Xenophobia. Discrimination]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 384 p. (In Russ.).
14. Sevast'janov A. N. Jetnos i nacija [Ethnos and nation]. Moscow: Knizhnyj mir, 2008. 192 p. (In Russ.).
15. Sergeev S. Prishestvie nacii? [The coming of the nation?]. Moscow: «SKIMEN», 2010. 303 p. (In Russ.).
16. Tolochko P. P. Vid Rusi do Ukraini [From Russia to Ukraine]. Kiev: Abris, 1997. 400 p. (In Ukr.).
17. Ukrainskij separatizm v Rossii [Ukrainian separatism in Russia]. Moscow: Redakcija zhurnala «Moskva», 1998. 432 p. (In Russ.).
18. Uolcer M. O terpimosti [About tolerance]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2000. 160 p. (In Russ.).
19. Shporljuk R. Komunizm i Nacionalizm [Communism and Nationalism]. Kiev: Osnovi, 1998. 479 p. (In Ukr.).
20. National Security: Paradigmatic Fundamentals of Research Practices / Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5 S4. P. 266–271.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 27.01.2022; approved after reviewing on 05.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., of. 303, Rostov-on-Don, Russia
